

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ИТРО

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Политика откровения

Эпизод, посвященный откровению на горе Синай, — средоточие не только недельной главы «Итро», но и иудаизма в целом. А само это откровение — уникальное явление в религиозной истории человечества. Другие вероисповедания (христианство, ислам) тоже называют себя «религиями откровения», но в обоих случаях откровение, фигурирующее в этих учениях, было адресовано отдельному человеку (в первом случае «Сыну Божьему», во втором — «пророку Бога»). Только в иудаизме Б-г открылся не отдельному человеку (пророку), не группе людей (старейшинам), а всему народу, не делая различий между молодыми и старыми, мужчинами, женщинами и детьми, праведниками и теми, кому до праведности было далеко.

Народ Израиля сразу осознал беспрецедентность произошедшего на Синае. Сорок лет спустя Моше сформулировал это так: «Расспроси о

прежних временах, о том, что было до тебя, с того дня, когда Б-г сотворил человека на земле. Было ли что-нибудь подобное этому великому делу, слыхано ли что-нибудь подобное — от одного края небес до другого? [Случалось ли], чтобы какой-нибудь народ слышал голос Б-га, говорящего из огня, как слышали вы, и остался жив?» (Дварим, 4:32–33).

Великие еврейские мыслители Средневековья полагали: тот факт, что откровение было ниспослано всему народу, имеет преимущественно эпистемологическое значение. Он дарует уверенность и развеивает сомнения. Подлинность откровения можно оспаривать, если оно снизошло на одного человека, но невозможно, если его свидетелями были миллионы человек. Б-г явил Свое Присутствие прилюдно, чтобы исключить любые потенциальные подозрения в неподлинности присутствия, которое ощутили

собравшиеся, и голоса, который они слышали.

Но взгляните на последующую историю человечества, и обнаружится другое важное значение, касающееся не познания религиозных истин, а политики. У горы Синай сформировались нация нового типа и общество нового типа — противоположность Египту, где власть принадлежала кучке людей, а огромные массы людей жили в положении рабов. У подножия Синая сыны Израиля перестали быть скопищем индивидуумов и впервые стали политической общностью: нацией граждан под верховной властью Б-га, нацией, чья письменная конституция — Тора, чья миссия — быть «царством священников и святым народом».

Историю политической мысли даже в наши дни принято излагать так: свой вклад внесли Маркс, Руссо и Гоббс, а истоки лежат в «Государстве» Платона, «Политике» Аристотеля и в греческих городах-государствах (особенно Афинах) IV века до н. э. Это ошибочный взгляд. Правда, что слово «демократия» («власть народа») заимствовано из древнегреческого. У греков был дар формулировать отвлеченные понятия и мыслить систематически.

Однако, если приглядеться к заре «эпохи модерна» — таким фигурам, как Мильтон, Гоббс и Локк в Англии, а также к отцам-основателям Америки, — окажется, что они вели мысленный диалог не с трудами Платона или Аристотеля, а с Еврейской Библией. Гоббс только в «Левиафане» цитирует ее 657 раз.

Концепция свободного общества зародилась задолго до древнегреческих философов и была на тот момент гораздо более глубокой, чем у них. И случилось это на горе Синай.

У момента откровения были три особенности, которые впоследствии оказались важнейшими. Во-первых, Израиль заключил всеобъемлющий завет с Б-гом задолго до того, как вступил в свою страну и обрел свой государственный строй (вначале правление судей, позднее власть царей). Этот завет (брит Синай) наложил морально-этические ограничения на пользование властью. Кодекс, который мы называем Торой, впервые в истории провозгласил верховенство законной правоты над силой. Любой царь, поступавший вразрез с Торой, превышал свои полномочия, и его власть разрешалось оспорить. Это ключевой факт о библейской концепции политического строя.

У демократии по древнегреческому образцу всегда был один роковой недостаток. Он навел Алексису де Токвилю и Джону Стюарту Миллю представление о понятии «тирания большинства», а Я. Л. Тальмону — термин «тоталитарная демократия». Ведь власть большинства никоим образом не гарантирует права меньшинств. По справедливому замечанию историка и философа Актона, именно поэтому афинское государство пало: афиняне возомнили, что «нет закона более высокого, чем закон государства, и законодатель стоит выше закона». Напротив, иудаизм предписывал пророкам оспаривать власть царя, если его действия преступали законы

Торы. Он давал индивидуумам право не подчиняться незаконным или безнравственным приказам. Этого одного достаточно, чтобы Синайский завет счесть самым громадным шагом на долгом пути к свободному обществу.

Вторая ключевая особенность содержится в сцене, служащей прологом к завету. Б-г говорит Моше: «Скажи дому Яакова, передай сынам Израиля: “Вы видели, что Я сделал с Египтом! А вас Я поднял на орлиных крыльях и принес к Себе. Поэтому, если вы будете слушать Меня и хранить союз со Мной, то вы будете Моим достоянием среди всех народов. Вся земля принадлежит Мне, а вы будете у Меня царством священников и святым народом!»»

Моше передает эти слова народу, и народ отвечает: «Все, что говорил Г-сподь, мы исполним!»

В чем значимость этого диалога? Из него следует, что откровение не могло состояться, пока народ не дал согласия на заключение завета. Государственная власть не может быть законной, если те, кто ей подвластен, не согласны оказаться под ее управлением, даже если правитель — Творец неба и земли.

Более радикальных идей я почти нигде не встречал. Правда, в талмудический период некоторые мудрецы сомневались, что у Синая согласие заключить завет было вполне добровольным. Однако в сердце иудаизма лежит идея, которая намного опередила свое время и не всегда осознавалась в полной мере. Она гласит: поскольку Б-г свободен, Он хочет, чтобы Ему поклонялись

свободные люди по доброй воле. Как заметили законоучители Талмуда, Б-г не тиранит Свои создания.

Третья особенность — еще одна идея, далеко опередившая свою эпоху. А именно настояние на том, что стороной завета должен быть «весь народ» — и мужчины, и женщины, и дети. Позднее Тора подчеркнет необходимость этого в заповеди об акэль — церемонии возобновления завета, которую следовало совершать раз в семь лет. В Торе четко сказано, что на эту церемонию нужно собрать весь народ: «мужчин, женщин и детей».

Тысячу лет спустя, когда Афины экспериментировали с демократией, лишь узкая прослойка общества обладала политическими правами. Женщинам, детям, рабам и чужеземцам доступ к демократии был закрыт. В Великобритании женщины лишь в XX веке получили право голосовать на выборах. По словам мудрецов Талмуда, Б-г, готовясь даровать Тору на Синае, велел Моше сначала спросить согласия женщин, а затем уже мужчин («скажи дому Яакова» означает «скажи женщинам»). Тора, «конституция свободы» Израиля, допускает к заключению завета всех до единого. Впервые возникает идея всеобщего статуса гражданина. Другие народы придут к этой идее лишь тысячи лет спустя.

Можно было бы еще долго рассуждать о политической теории, которая содержится в Торе (здесь отсылаю к моим книгам «Политика надежды», «Достоинство различия» и «Агада главного раввина», а также к ценным трудам Дэниэла Элазара и

Майкла Уолцера). Но одно очевидно: вместе с Синайским откровением в мир людей пришло нечто беспрецедентное. Лишь столетия и тысячелетия спустя его значимость была уяснена в полной мере. Лучше

всех ее выразил Авраам Линкольн, говоря о «новой нации, зачатой в лоне свободы и убежденно верящей в то, что все люди созданы равными».

На Синае родилась политика свободы.